

БОЛЬШИЕ

и

КНИГИ

Джеймс Фенимор
Купер

ЗВЕРОВОЙ,
или Первая тропа
войны

•

ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ МОГИКАН,
или Повесть
о 1757 годе

•

СЛЕДОПЫТ,
или На берегах
Онтарио

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 92

Перевод с английского Сергея Антонова (предисловия к «Зверобой», «Следопыту» и предисловие к изданию «Последнего из могокан» 1831 года, примечания автора к «Зверобой» и «Последнему из могокан»), Ревекки Гальпериной («Следопыт», гл. I–XI, XXVII–XXX), Доры Каравкиной («Следопыт», гл. XII–XIX), Валентины Курелла («Следопыт», гл. XX–XXVI), Полины Мелковой («Последний из могокан»)

Дополненный перевод с английского Теодора Грица
(«Зверобой»)

Примечания Сергея Антонова

Составитель Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Генри Мэтью Брока («Зверобой»,
«Последний из могокан»),
Чарльза Эдмунда Брока («Следопыт»)

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© С. А. Антонов, перевод, примечания, 2019
© Р. М. Гальперина (наследник), перевод, 2019
© В. Н. Курелла (наследник), перевод, 2019
© П. В. Мелкова (наследники), перевод, 2019
© Издание на русском языке,
дополнительный перевод, состав, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-15651-7

**ЗВЕРОВОЙ,
или Первая тропа войны**

Какие Ужасы вокруг него роятся!
Сплошь Изумление и Бегство впереди
И Одиночество со Скорбью позади!

*Грей*¹

¹ Эпиграф к роману заимствован из пиндарической оды английского поэта Томаса Грея (1716–1771) «Бард» (1755–1757, опубл. 1757; строфа 2, ст. 60–62). *Перевод С. Антонова.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Во время работы над этой книгой автора непрестанно одолевали опасения касательно того, какой прием окажет ей читающая публика. Сделать одного и того же человека главным действующим лицом пяти отдельных романов означает, пожалуй, злоупотребить добрым расположением читателей, и многие вправе счесть, что такой поступок сам по себе заслуживает порицания. В ответ на эту резонную критику автор может сказать лишь одно: если он и совершил в данном случае серьезный просчет, то часть вины за это лежит и на самих читателях. Благосклонность, с которой был встречен рассказ о дальнейшем жизненном пути и кончине Кожаного Чулка, породила — по крайней мере, в сознании автора — мысль о том, что необходимо поведать кое-что и о юных годах этого героя. Словом, картины его жизни, какими они предстали на страницах предыдущих книг, были уже столь полными и законченными, что вызвали немалое желание увидеть ту «колыбель», из которой они появились на свет.

«Повести о Кожаном Чулке» составляют теперь нечто вроде драмы в пяти актах; завершенная во всем, что касается материала и общего замысла, она, весьма вероятно, очень несовершенна по своему исполнению. Каковы бы ни были эти пять актов, все они явлены читающему миру. Их создатель надеется, что, если мир расценит нынешний акт — последний по времени публикации, хотя и подлежащий прочтению раньше других, — как не самый лучший в серии, он все же не сочтет его наихудшим. Не единожды автора разбирало желание сжечь рукопись и обратиться к какой-нибудь иной теме, однако в ходе работы он получил поддержку столь необыкновенную, что о ней стоит упомянуть. Из Англии ему пришло анонимное письмо, написанное, как он полагает, женской рукой и содержавшее настоятельную просьбу о том, что он и так уже осуществил больше чем наполовину; это пожелание автор охотно истолковал как знак того, что его попытка будет пусть и не всецело одобрена, но воспринята в известной мере снисходительно.

Нет необходимости много говорить о персонажах и местах действия этой повести. Первые, разумеется, вымышлены, а вторые верны природе настолько, насколько автор смог описать их, полагаясь на свои основательные знания о том, как выглядит ныне этот край, и на подсказанные воображением догадки насчет его стародавнего облика. Считается, что озеро, горы, долина и леса запечатлены довольно точно; что же касается реки, утеса и косы, то они являются прямыми зарисовками с натуры. Даже мысы существуют: они слегка тронуты цивилизацией, но столь близко соответствуют приведенным описаниям, что всякий, кто знаком с этой местностью, легко их узнает.

В вопросе достоверности событий, составляющих сюжет этой повести (как отдельных, так и всех вкуче), автор намерен требовать уважения к своим правам и не говорить больше того, что он полагает необходимым сказать. В великой борьбе за правду, которая разворачивается между Историей и Литературой, последняя столь часто берет верх, что автор склонен предложить читателю поселиться в упомянутом краю и провести там собственные разыскания. И если по наведении справок выяснится, что какой-нибудь профессиональный историк, официальные документы или даже местные традиции утверждают нечто, идущее вразрез со сказанным на страницах этой книги, автор с готовностью признает, что данное обстоятельство напрочь ускользнуло от его внимания, и распишется в своем невежестве. Но если, напротив, в анналах Америки не обнаружится ничего противоречащего тому, что ныне явлено миру, автор (который твердо убежден, что результат исследования будет именно таким) требует признания за его легендой подобающего авторитета.

Существует представительный — как по численности, так и во всех прочих отношениях — класс читателей романов, зачастую напоминающих человека, который «поет, когда читает, и читает, когда поет». Если дело касается фактов, у этих людей до крайности разыгрывается воображение, меж тем как во всем, что связано с поэзией, они прилежно-педантичны, словно буквалистский перевод, выполненный школяром. Это вынуждает автора напрямик пояснить им, что Джудит Хаттер — это именно Джудит Хаттер, а не какая-то другая Джудит, и что, если взглянуть на проблему шире, любое совпадение имен или цвета волос не означает ничего большего, чем можно вывести из совпадения имен или цвета волос. Долгий опыт научил писателя, что этой части публики труднее всего угодить, и он со всем уважением предлагает таким читателям обоюдovýгодный эксперимент: попробовать отнестись к плодам фантазии так, словно это произведения, основанные на строгих фактах. Не исключено, что такой метод позволит им проникнуться правдоподобием художественного вымысла.

Существует и другой класс читателей (несомненно, играющий менее важную роль в нашей республиканской стране, поскольку он пребывает в значительном меньшинстве), который склонен принимать вещи такими, какими их преподносят, и понимать под ними именно то, что они означают. Таким людям я советую начать с первой главы и далее читать подряд — до тех пор, пока это занятие будет доставлять им удовольствие, и ни страницей больше. И если кто-нибудь из представителей упомянутого класса одолеет книгу целиком и сочтет, что время, которого потребовало ее внимательное прочтение, потрачено не совсем бесполезно, автор будет этим сполна удовлетворен.

[1841]

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПОВЕСТЯМ О КОЖАНОМ ЧУЛКЕ»

Этот цикл историй, получивший название «Повести о Кожаном Чулке», создавался как придется, без какого-либо заранее продуманного плана. Порядок, в каком эти несколько книг были опубликованы, существенно отличается от того, в котором они увидели бы свет, если бы автор стремился последовательно излагать естественный ход событий. В «Пионерах», написанных раньше других романов цикла, Кожаный Чулок предстает уже стариком, изгнанным из своих прежних лесных пристанищ стуком топоров и дымом от костров поселенцев. Затем появился «Последний из могижан», который перенес читателей в значительно более ранний период времени, в ту пору, когда наш герой был человеком средних лет, находившимся в расцвете зрелой мужественности. В «Прерии» его жизненный путь завершается, и он нисходит в могилу. На этом автор намеревался навсегда расстаться с Кожаным Чулком, предполагая, что того ждет скорое забвение — обычная среди людей участь. Но тайная привязанность к этому герою побудила автора воскресить его в «Следопыте», за которым вскоре последовал «Зверобой», завершающий цикл в его нынешнем виде.

Хотя эти пять книг были опубликованы в упомянутом нами порядке, хронология событий в них, соотнесенная с различными этапами жизни Кожаного Чулка, как уже говорилось выше, совсем иная. Если придерживаться канвы его биографии, то первой книгой цикла окажется «Зверобой», так как в нем мы видим главного героя только-только вступающим в пору зрелости; за «Зверобоем» должны следовать «Последний из могижан», «Следопыт», «Пионеры» и «Прерия». Такое расположение, пусть и заметно отличающееся от порядка, в котором книги выходили в свет, соответствует естественному развитию событий. «Пионеры» были изданы в 1822 году, «Зверобой» — в 1841-м; промежуток времени, пролегающий между ними,

составляет девятнадцать лет¹. Сказались ли прошедшие годы на силе изначального вдохновения автора, умалив ценность его последней книги, или, напротив, усовершенствовали его вкус и добавили зрелости суждениям — решать другим.

Если чему-нибудь, что вышло из-под пера создателя этих романов, и суждено пережить его самого, то это, бесспорно, будут «Повести о Кожаном Чулке». Говоря так, автор вовсе не пророчит им длительную славу, а всего лишь выражает веру в то, что они окажутся долговечнее любой другой его книги или даже всех книг, когда-либо им написанных.

Нельзя не признать, что хаотичная манера, в которой создавались «Повести о Кожаном Чулке», отчасти повредила их согласованности друг с другом и, кроме того, ослабила читательский интерес к ним. Это доказывает судьба двух книг, которые появились в печати последними, хотя именно они, пожалуй, более всего заслуживают внимания просвещенной и утонченной публики. Если бы можно было собрать достоверные сведения на сей счет, то результат, весьма вероятно, показал бы, что среди тех, кто прочел три ранние книги цикла, едва ли хоть один из десяти знает о существовании двух позднейших (в особенности это касается американских читателей). Тому есть разные причины. Из-за продолжительной паузы, наступившей после публикации «Прерии», «Следопыт» и «Звербой» недополучили причитающейся им доли читательского интереса. Они уже не порождали эффекта новизны, а неизбежное предвосхищение дальнейших событий, известных по опубликованным ранее книгам, заметно ослабляло увлекательность рассказа. Для нового поколения читателей этот недостаток будет отчасти устранен с выходом в свет настоящего издания², в котором повести располагаются сообразно логике развития сюжета.

Автора то и дело спрашивают, существовал ли у Кожаного Чулка реальный прототип. В физическом облике главного героя, несомненно, соединились черты разных людей, воспоминания о которых автор сохранил со времен своей юности; духовный же облик этого жителя леса — целиком и полностью плод писательской фантазии. Изобразить человека, мало что почерпнувшего у цивилизации, кроме ее высших принципов (насколько они доступны его непро-

¹ Авторская неточность. В действительности роман «Пионеры, или У истоков Саскуиханны» был опубликован в 1823 г., и, соответственно, упомянутый временной интервал составляет 18 лет.

² Речь идет об издании: *Cooper J. F. The Leather-Stocking Tales. Author's Revised Edition: In 5 vols.* N. Y.: George P. Putnam, 1850–1851, в первом томе которого были опубликованы это и следующее предисловия.

свещенному уму), и ведущего первобытное существование, вполне совместимое, впрочем, с основополагающими правилами цивилизованного общества, — такой задумке, пожалуй, соответствуют жизненные обстоятельства, в которых пребывает Натти. Он слишком горд своим происхождением, чтобы опуститься на уровень индейца-дикаря, и вместе с тем слишком вовлечен в лесную жизнь, чтобы не усвоить как можно больше от своих друзей и спутников. В нравственном смысле этот образ имеет целью показать, что случается с семенем, брошенным на обочину. Сам герой называет свои «привычки» «привычками белого человека» и вовсе не склонен их дискредитировать. С другой стороны, лишенный почти всех соблазнов цивилизованной жизни, оказавшийся в средоточии того, что принято считать жизнью дикой, и вольный по милости благой природы приумножать выгоды своего положения, этот персонаж позволил автору продемонстрировать, не впадая в крайности, преимущества обоих способов существования.

Автору не составило большого труда вообразить, что представляет собой человек, который провел детство среди цивилизации и, переселившись в лесные дебри, сохранил многое из опыта, приобретенного в начальную пору жизни. Однако, не будь эти ранние впечатления поддержаны последующими, пусть и случайными, контактами с людьми если не его круга, то по крайней мере его цвета кожи, все, что мы знаем о нем, наводило бы на мысль о скорой утрате этим человеком всяческих примет его происхождения. Мы полагаем, что специфические обстоятельства, в которых оказался Натти, описаны достаточно подробно, чтобы свойства его природы выглядели убедительно. Делавары¹ рано привлекли внимание миссионеров и были необычайно восприимчивы к их наставлениям и примерам. Известно множество случаев перехода делаваров в христианскую веру, и дальнейшая жизнь некоторых новообращенных свидетельствует о грандиозных нравственных переменах, произошедших в их сознании.

У главного героя литературного произведения есть законное право появиться перед читателем в поэтическом свете, и именно под таким — а не прозаически-обстоятельным — углом зрения представлен характер Кожаного Чулка. Нет ничего сложного в том, чтобы

¹ *Делавары* (ленапе, ленни-ленапе) — индейское племя из алгонкинской языковой группы, населявшее в XVII–XVIII вв. земли в долинах рек Делавэр, Гудзон и Саскуиханна и вдоль побережья Атлантического океана, на территории современных штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавэр и Мэриленд. Делавары состояли во вражде с ирокезским племенным союзом; во время англо-французских войн середины XVIII в. по большей части выступали на стороне англичан.

вообразить себе человека, свободного от заблуждений, к которым каждодневно подталкивает жизнь в условиях цивилизации, и верного самым лучшим и самым простым из своих ранних впечатлений; такой человек видит Бога в лесу, слышит Его в шуме ветра, поклоняется Ему под куполом небосвода, что раскинулся над миром, подчиняется Его власти со смиренной верой в Его справедливость и милосердие — одним словом, обнаруживает печать Божества во всех творениях природы, не запятнанных людскими уловками, страстями и ошибками. На такой идеал и равнялся автор, создавая образ Кожаного Чулка. Но если бы он при этом закрыл глаза на несовершенства рода человеческого, в портрете героя, скорее всего, было бы больше привлекательности, чем достоверности. Посему, дабы сохранить *vraisemblance*¹, автор дополнил эти достойные качества и высокие стремления индивидуальными чертами, которые связаны с юношескими предрассудками, склонностями и даже слабостями Натги, — что, смеем надеяться, позволило правдоподобно обрисовать человеческую натуру, избежав превращения персонажа в «ходячую добродетель».

В отношении этих книг звучал упрек, будто индейцы показаны в них в более благоприятном свете, нежели они того заслуживают. Автор полагает, что подобные упреки по большей части обусловлены личным опытом тех, кто их высказывает. Один из его критиков по выходе из печати первой книги, в которой фигурировал краснокожий, заявил, что «эти индейцы скорее заимствованы у Хекеуэлдера², чем взяты из реальной жизни»³. Очень может быть, что в этих словах содержится и должный ответ на выдвинутый упрек. Хекеуэлдер был ревностным и благожелательным миссионером, который верил в природную доброту краснокожего и видел в нем ближнего, наделенного душой, разумом и прочими человеческими свойствами. Критик же слышет весьма авторитетным государственным деятелем, хорошо знающим индейцев такими, какими они предстают

¹ Правдоподобие (*фр.*).

² Преподобный Джон Готтлиб Эрнест Хекеуэлдер (1743–1823) — американский миссионер англо-немецкого происхождения, принадлежавший к общине моравских братьев (см. примеч. на с. 30); автор ряда книг об индейцах и, в частности, «Отчета об истории, нравах и обычаях индейских народов, населявших некогда Пенсильванию и соседние штаты» (1818), который стал для Купера одним из главных источников сведений о коренных жителях Северной Америки.

³ Речь идет об американском военном, политике и государственном деятеле, губернаторе территории Мичиган в 1813–1831 гг. Льюисе Кассе (1782–1866), который критиковал описание индейцев Хекеуэлдером и Купером в своих статьях «Индейцы Северной Америки» и «Структура индейских языков», опубликованных в журнале «Североамериканское обозрение» в январе 1826 и апреле 1828 г. соответственно.

во время переговоров по откупу их земель, когда их мирные качества проявляются крайне мало или не проявляются вовсе, зато в полной мере дают знать о себе их дурные страсти. Считать, что на переговорах по этим сделкам открывается истинный облик индейцев, не более справедливо, чем судить обо всем американском обществе по картинам столичной жизни.

Все писатели и особенно те, чьи произведения претендуют стать вровень с героическими романами прошлого, обладают привилегией преподносить читателю своих героев как beau-idéal¹. Именно здесь рождается поэзия, и полагать, будто краснокожего надлежит изображать не иначе как в состоянии убожества или нравственной деградации, более или менее соответствующих условиям его существования, — значит, на наш взгляд, искусственно сужать возможности, которые предоставляет сочинителю упомянутая авторская привилегия. Такая критика способна лишить нас даже Гомера.

[1850]

¹ Образец совершенства (фр.).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1850 ГОДА

Как уже говорилось в предисловии к «Повестям о Кожаном Чулке», исходя из того, в каком порядке эти повести надлежит читать, «Зверобой» — книга, открывающая цикл, хотя она и является финальной по времени публикации. Герой запечатлен в ней еще на пороге зрелости, его отличают способность нравиться окружающим, естественным образом присущая молодости, и свежесть чувств, свойственная этой примечательной поре человеческой жизни. Как следствие, он любим и, что скорее выдает каприз человеческой природы, нежели согласуется с теориями и высоконравственными ожиданиями, любим девушкой, преисполненной кокетства, тщеславия и всевозможных слабостей, притом любим в первую очередь за его прямоту, скромность, непогрешимую правдивость и честность. Надеемся, что предпочтение, которое он отдает упомянутым достоинствам вместо красоты, безумной страсти и греха, преподносит урок, не обидный ни для кого. Эта тема сознательно не акцентирована в книге, но, думается, она раскрыта достаточно внятно, чтобы донести до читателя заключенную в повести мораль.

Замысел заключался в том, чтобы представить сестер в резком контрасте друг с другом: одна — обладающая восхитительной внешностью, умная, исполненная гордости от сознания своей красоты, грешная и падшая; другая — с трудом способная отличать добро от зла, но притом наделенная женскими добродетелями, почитающая и любящая Господа, подверженная лишь слабостям, которые свойственны ее полу, и очарованная привлекательной наружностью того, кто слишком груб и невнимателен, чтобы заметить или понять ее безмолвное, кропотливое чувство к нему.

Место действия повести (и здесь восприятие читателей вполне отвечает замыслу автора) представляет собой точное описание озе-

ра Отсега¹ до 1760 года, когда на его берегах основали первое примитивное поселение; в ту пору это был всего-навсего небольшой расчищенный участок земли с маленькой хижиной из тесаных бревен — временным жилищем заместителя управляющего по делам индейцев. Писатель отчетливо помнит те времена, когда девять десятых побережья покрывал девственный лес, — обстоятельство, связанное с тем, что дороги, тянувшиеся через первую цепь долин, пролегали вдалеке от озера. Леса и горы вкупе с чарующей водной гладью всегда служили главным источником красоты этого края; немалая часть тамошних лесов высится и поныне — и приятно оживляет собой скучное однообразие распаханых земель.

В большинстве случаев места, где происходит действие повести, изображены довольно точно. Утес, на котором назначили встречу Зверобой и его друг-делавар, сохранился по сей день и называется Отсега-Рок. Коса, где Хаттер построил свой «замок», на деле находится чуть в стороне, несколько ближе к северной оконечности озера и к его восточному берегу, чем это описано в книге. Тем не менее коса эта, со всех сторон окруженная глубокими водами, существует. В самые засушливые периоды над поверхностью озера виднеется ряд камней, а большую часть года местонахождение отмели выдают заросли тростника. Одним словом, даже эта особенность ландшафта соответствует действительности во всем, кроме точности расположения. То же самое можно сказать и о некоторых мысах, заводах, реке, горах и обо всех прочих достопримечательностях этого края.

История, поведенная в повести, является чистейшим вымыслом. Факты, персонажи и другие характерные ее особенности не могут быть подтверждены каким-либо авторитетным источником — за вычетом того, что представлялось автору необходимым для придания рассказу правдоподобия. Приверженность истине заставляет нас признать, что книга привлекла крайне мало внимания и что если судить о ее достоинствах по ее популярности, то заботу, которую автор проявил об этом издании, также можно счесть излишней. Такова, по крайней мере, судьба книги в Америке; у нас нет сведений, нашла ли она лучший прием в какой-нибудь иной стране.

[1850]

¹ *Отсега* (Отсиго) — озеро в одноименном округе штата Нью-Йорк, исток реки Саскуиханни; основное место действия романов «Зверобой» и «Пионеры», в которых оно выведено под названием Мерцающее Зеркало (Глиммерглас); ныне на северо-восточном берегу озера располагается основанный в 1960-е гг. национальный парк «Мерцающее Зеркало».

ГЛАВА I

...Есть наслажденье в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — Природа ближе мне.
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чую,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.
«Чайльд-Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням колониальной истории, тот период кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах Американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

¹ Эпиграф — из поэмы английского поэта Джорджа Гордона Байрона (1778–1824) «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1809–1818, опубл. 1812–1818; песнь IV, строфа 178, ст. 1594–1602). *Перевод В. Левика.*

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона, как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Поукипси, не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани, еще до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван Ренсселеров¹ — крепость с бойницами, проделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду². Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре округа колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона, от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохок и Скохари³. Широкие полосы девственных дебрей не только достигали берегов Гудзона, но и простирались дальше, вглубь Новой Англии⁴, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взгля-

¹ Справедливости ради следует уточнить, что Ренсселеры из Гринбуша представляют *старшую* ветвь этого древнего и почтенного семейства. (Примечание автора к изданию 1850 г.) — *Здесь и далее авторские примечания к текстам «Зверобоя» и «Последнего из могикиан» переведены С. Антоновым.*

Ван Ренсселеры — династия влиятельных купцов и государственных деятелей США, вышедшей из Голландии, сыгравшая заметную роль в истории штата Нью-Йорк в XVII–XVIII вв. С доктором медицины Джеремией Ван Ренсселером (1793–1871) Купер подружился в пору учебы в Олбани в 1801–1802 гг. *Гринбуш* — город в округе Ренсселер штата Нью-Йорк; в 1855 г. он разделился на два административно-территориальных образования — Восточный Гринбуш и Северный Гринбуш.

² В действительности особняк Ван Ренсселеров в Гринбуше был построен в 1680–1690-е гг., то есть не позже, а на полвека раньше эпохи, к которой приурочены события «Зверобоя».

³ *Мохок* — река в штате Нью-Йорк, крупнейший приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани. *Скохари* — приток Мохока.

⁴ *Новая Англия* — в период, к которому относится действие романа, общее название английских колоний (впоследствии обретших статус штатов) на востоке Северной Америки: Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут.

нуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извивающимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, казался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизбылемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем слышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и разошлись в разные стороны, пытаясь найти потерянную тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, частично под действием огня. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность, и с нее открывался превосходный вид на ясное небо.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

— Вот здесь можно перевести дух! Ура, Звербой!
Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю охотники за землей. Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии¹, и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой². Шести футов четырех дюймов росту³, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и, хотя суровая простота пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величаявая осанка смягчала грубость манер.

Звербой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности, и по характеру был совсем иного склада. Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и субтильным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и толь-

¹ *Колония* — изначально (с 1625 г.) голландская провинция Новые Нидерланды, а с 1664 г. — английская колония, годом позже переименованная в провинцию Нью-Йорк. У Купера иногда именуется колонией Йорк.

² *Канада* — здесь: французская колония в Северной Америке на реке Святого Лаврентия, в составе Новой Франции, существовавшая с 1534 по 1763 г.

³ Около 190 см.

ко выражением своим оно подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о безусловной правдивости, твердости характера, честности намерений и искренности чувств, было поистине замечательно. Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бескрайних лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее во внешности Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве, особенно заметная на оружии и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ¹ обшит индейским вампумом². Наоборот, Гарри Непоседа, по своейственной ли ему беспечности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим благородное презрение ко всяким побрякушкам. Быть может, этот безразличный вид, полный естественного пренебрежения, усиливал, а не ослаблял то необычное впечатление, которое производила на окружающих его статная фигура.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары! — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это своим карабином!

— Нет-нет, Непоседа, не так уж много мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

¹ *Ягдташ* — охотничья сумка для дичи.

² *Вампум* — нанизанные на шнуры разноцветные цилиндрические бусы из раковин, которые служили индейцам, жившим в окрестностях Великих озер (см. примеч. на с. 70), для различных целей. Вампум мог использоваться и как украшение, и как денежная единица (при взаиморасчетах между племенами), и как документ (договор, объявление войны, рассказ о важных исторических событиях и т. п.).

— Делавары и сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот, — иначе проклятые минги¹ не превратили бы их в баб.

— Этого никто толком не знает и не понимает, — сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаваарами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости любому другому народу.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, который тоже способен спустить курок на тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием побахвалиться и честностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота вскоре восторжествовала над ложной гордостью и хвастливостью жителя пограничья.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — для этого не представлялось подходящего случая. Делавары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседней от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер², Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я зарабатываю себе на жизнь карабином и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает еще одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

— Ай-ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится, если речь идет о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индей-

¹ *Минги* — презрительная кличка, которой Натаниэль Бампо и его друзья (вследствие ошибки, допущенной Купером) награждают всех индейцев ирокезской языковой группы и, в частности, краснокожих из племени гуронов (или вайандотов) — в описываемое время военных противников ирокезов. В действительности минги (менгоу, минго) — ирокезоязычная народность, которая сформировалась на территории восточной части современного штата Огайо из остатков различных племен, разгромленных Лигой шести племен (см. примеч. на с. 510) в конце XVII в.

² *Траппер* — в Северной Америке охотник, добывающий пушных зверей при помощи капканов и ловушек (*англ.* trap).

ца — это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приемами. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, война¹. Чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я не долго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдешь зверя немного повыше четырех футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель — он не погнушается человеком, который еще не убил никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру-делаваара в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, выражавшим одновременно и недоверие, и презрение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

— У невысокого утеса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этом утесе я часто слышал от делавааров, хотя мне самому и озеро, и утес совершенно незнакомы. Этой страной сообща владеют минги и могикане²: в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному Богу известно, что может там твориться во время войны.

— «Сообща»! — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавучий Том Хаттер. По праву пятнадцатилетнего бесспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаваарам.

— А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

— Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой

¹ Автор датирует события романа 1740–1745 гг., следовательно, речь идет о Войне короля Георга, или Третьей межколониальной войне (1744–1748), — вооруженном конфликте между английскими (13 колоний) и французскими (Новая Франция) колониями в Северной Америке, в котором с обеих сторон принимали активное участие различные индейские племена и племенные союзы.

² В романах, составляющих цикл о Кожаном Чулке, Купер вслед за своими предшественниками (Хекеуэлдером и др.) объединяет под общим названием «могикане» два разных, хотя и родственных племени алгонкинской группы: собственно *могикан*, изначально населявших земли вдоль верхнего и среднего течения реки Гудзон на востоке современного штата Нью-Йорк, юго-западе Вермонта, западе Массачусетса и северо-западе Коннектикута, и *мохекап*, обитавших в восточных верховьях реки Темс в Коннектикуте.

части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

— Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавающий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

— Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Повадками он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кидда¹, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться или познакомиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может *спокойно* пользоваться награбленным добром.

— Он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он, вероятно, думает об этом иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без развлечений; знавал и других, которые лучше всего чувствовали себя, сидя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знавал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется очень спокойно. Живет себе припеваючи вместе со своими дочками и не мечтает о большем.

— Ах, так у него есть дочери! От делаваров, которые охотились в здешних местах, я слышал целые истории про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

— Когда-то была. Но она умерла и была брошена в воду года два назад.

— Как так? — воскликнул Звербой, с удивлением глядя на товарища.

— Умерла и брошена в воду, говорю я — и надеюсь, что на достаточно чистом английском языке. Старик спустил тело жены в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при этой церемонии. Но хотел ли он избавить себя от труда рыть могилу — что не так-то легко

¹ Уильям Кидд (1645–1701) — знаменитый английский пират, чьи личность и карьера окружены множеством легенд.

в лесу среди корней, — или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, право, не берусь сказать.

— Должно быть, бедная женщина была большая грешница, если муж не хотел потрудиться для упокоения ее косточек.

— Не слишком большая грешница, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Джудит Хаттер была достойная женщина, насколько это возможно для женщины, жившей так долго вдали от церковного звона, но, по-видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер — настоящий кремь, то подчас между ними вспыхивали искры. Но в общем можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в темные чащи леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду почитать Джудит, потому что она была матерью такого создания, как Джудит Хаттер, ее дочка.

— Да, делавары упоминали имя Джудит, хотя и произносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

— В твоем вкусе! — воскликнул Марч, взбешенный равнодушным и высокомерным тоном товарища. — Какого черта ты суешься со своим вкусом, когда речь идет о такой девушке, как Джудит! Ты еще мальчишка, зеленый юнец, едва успевший глаза раскрыть. За Джудит уже ухаживали *мужчины*, когда ей было всего пятнадцать лет, то есть без малого пять лет назад. Да она и не взглянет на такого молокососа, как ты.

— Теперь июнь, и на небе ни облачка, Непоседа, так что весь этот жар ни к чему, — ответил невозмутимо Зверобой. — У каждого свой вкус, и даже белка имеет право судить о дикой кошке.

— Но не слишком умно с ее стороны сообщать о своем мнении дикой кошке, — проворчал Марч. — Впрочем, ты молод и еще несмышлениш, поэтому я прощаю тебе твое невежество. Послушай, Зверобой, — с добродушным смехом прибавил он после недолгого размышления, — послушай, Зверобой: мы с тобой поклялись быть друзьями и, конечно, не станем ссориться из-за легкомысленной вертушки только потому, что она случайно уродилась хорошенькой, тем более что ты никогда не видел ее. Джудит создана для мужчины, у которого уже прорезались все зубы, и глупо мне опасаться мальчика... Что же говорили делавары об этой плутовке? В конце концов, индеец может судить о женщинах не хуже, чем белый.

— Они говорили, что она хороша собой, приятна в разговоре, но слишком любит окружать себя поклонниками и очень ветрена.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕРОВОЙ, ИЛИ ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ <i>Перевод Т. Грица</i>	5
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН, ИЛИ ПОВЕСТЬ О 1757 годе <i>Перевод П. Мелковой</i>	505
СЛЕДОПЫТ, ИЛИ НА БЕРЕГАХ ОНТАРИО <i>Перевод Р. Гальпериной, Д. Каравкиной, В. Курелла</i>	871

Купер Дж. Ф.

К 92 Зверобой, или Первая тропа войны ; Последний из могижан, или Повесть о 1757 годе ; Следопыт, или На берегах Онтарио : романы / Джеймс Фенимор Купер ; пер. с англ. С. Антонова, Р. Гальпериной, Т. Грица и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 1296 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-15651-7

С момента первой публикации в 1820–1840-х годах и по сей день пенталогия Джеймса Фенимора Купера о Натаниэле Бампо (известном также под прозвищами Зверобой, Соколиный Глаз, Следопыт, Длинный Карабин и Кожаный Чулок) неизменно пользуется успехом во всем мире как один из эталонов увлекательной приключенческой прозы, сюжеты и персонажи которой одинажды и навсегда пленяют читательское воображение. Ловкий охотник и смелый воин, самоотверженный защитник слабых и угнетенных, Кожаный Чулок давно и прочно вошел в пантеон самых популярных героев мировой литературы.

В настоящий том включены первые три романа цикла, повествующие о юных и зрелых годах жизни Натаниэля, о его дружбе с индейцем-делаваром Чингачгуком, об их стычках с гуронами в лесных дебрях и на озерной глади, о смертельном риске, на который друзья идут ради вызволения из плена возлюбленной Чингачгука, защиты семейства Хатгер («Зверобой») и спасения дочерей британского полковника Манро («Последний из могижан»), о любви главного героя к дочери его давнего друга, сержанта Томаса Дунхема, и о его самопожертвовании во имя чужого счастья («Следопыт»). Впервые на русском языке публикуется полный текст «Зверобоя», восстановлены все авторские предисловия и примечания к романам и их позднейшим прижизненным изданиям. В книге — также впервые в России — воспроизводятся полные комплекты иллюстраций к романам Купера, созданные английскими художниками братьями Генри Мэтью Брокком и Чарльзом Эдмундом Брокком.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР
ЗВЕРОВОЙ, ИЛИ ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН,
ИЛИ ПОВЕСТЬ О 1757 ГОДЕ
СЛЕДОПЫТ, ИЛИ НА БЕРЕГАХ ОНТАРИО

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Маргарита Ахметова, Елена Терскова,
Валентина Гончар, Елена Шнитникова, Ирина Сологуб, Нина Тюрина

Подписано в печать 29.08.2019. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 81. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-ILN-24835-01-R